

JOJO
MOYES

Книги ДЖОДЖО МОЙЕС

До встречи с тобой
Девушка, которую ты покинул
Последнее письмо от твоего любимого
Корабль невест
Один плюс один
Серебристая бухта
Вилла «Аркадия»

ДЖОДЖО МОЙЕС

Вилла
„Аркадия“

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М74

Jojo Moyes

FOREIGN FRUIT

Copyright © 2003 by Jojo Moyes

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

Перевод с английского Екатерины Коротнян

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-07776-8

© Е. А. Коротнян (наследник), перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство Иностранка®

Посвящается
Чарльзу Артуру и Кэти Рансман

Прошлое каждого закрыто в нем, как книга,
которую он знает наизусть, а его друзья могут
прочесть только название.

Вирджиния Вульф

Пролог

Однажды мама сказала, что можно узнать, за кого выйдешь замуж, если очистить яблоко и швырнуть неразорванную кожуру через плечо. Она образует букву, знаешь ли. Хотя и не всегда. Мамочке так отчаянно хотелось, чтобы все получилось, что она просто отказывалась признать очевидное — кожура скорее походила на семерку или двойку, но мама отыскивала всевозможные «Б» и «Д» непонятно где. Даже если я не знала никакого Б. или Д.

Но с Гаем я обошлась без яблок. Я узнала его в первую же секунду, как увидела; это лицо я знала не хуже собственного имени. Это тот, кто заберет меня от родителей, это тот, кто будет любить меня, обожать меня и растить вместе со мной прекрасных малышей. Это тот, на кого я буду молча смотреть, пока он повторяет за священником свадебную клятву. Его лицо будет первое, что я увижу, проснувшись утром, и последнее с наступлением ночи.

Интересно, а он это понял? Конечно понял. Он ведь спас меня, знаешь ли. Как рыцарь, но не в сияющих доспехах, а в заляпанной грязью одежде. Рыцарь, который явился из темноты и вывел меня на свет. Пусть даже в привокзальном зале ожидания. Когда я ждала последний поезд, ко мне пристали какие-то солдаты. Я ходила на танцы с боссом и его женой и пропустила свой обычный поезд. Солдаты были

здорово пьяны и все время цеплялись ко мне, хотя я прекрасно знала, что нельзя разговаривать с солдатней, отвернулась от них и забилась подальше, в самый угол скамейки, но они не воспринимали «нет» как ответ. Подбирались все ближе и ближе, пока один не начал меня хватать, делая вид, что это шутка, и я ужасно испугалась, потому что было поздно, а вокруг ни души — ни носильщика, ни кого-то еще. Я все время твердила, чтобы они оставили меня в покое, но они не слушали. Не хотели слушать. А потом самый здоровый из них — зверского такого вида — придвинулся ко мне, жуткая, заросшая щетиной рожа, и, обдав меня вонючим дыханием, заявил, что поймает меня, хочу я того или нет. Конечно, я должна была закричать, но, знаешь ли, не смогла — совершенно застыла от страха.

И тут появился Гай. Он ворвался в зал ожидания и решительно обратился к громиле, поинтересовавшись, понимает ли тот, что делает, а затем пообещал задать ему хорошую трепку. Потом он принял боевую стойку, готовясь сразиться со всеми тремя, а они начали ругаться, один тоже поднял кулаки, но спустя минуту или две эти трусы, продолжая ругаться, сбежали.

Меня трясло, слезы лились в два ручья, а он усадил меня на стул и предложил принести воды, чтобы я успокоилась. Он был так добр. Так мил. А потом он сказал, что подождет рядом, пока не придет поезд. Так он и сделал.

Именно там, под желтыми вокзальными фонарями, я впервые посмотрела ему в лицо. По-настоящему посмотрела. И я поняла, что это он. Точно он.

После того как я рассказала маме, она на всякий случай очистила яблоко, бросила кожуру через мое плечо. Лично мне показалось, что кожура упала в виде буквы «Д». Мама же по сей день клянется, что это определенно была буква «Г». Но к тому времени мы с Гаем давно миновали этап, когда нужны яблоки.

Часть
ПЕРВАЯ

Фредди снова стошнило. На этот раз, судя по всему, травой. В углу рядом с комодом появилась пенистая зеленая лужица, в которой виднелись целые травинки.

— Сколько раз тебе повторять, болван?! — завизжала Селия, ступившая в эту лужу. — Ты не лошадь!

— И не корова, — услужливо поддакнула Сильвия от кухонного стола, за которым старательно наклеивала картинки бытовых приборов в альбом для вырезок.

— И никакое другое дурацкое животное. Ешь хлеб, а не траву. Кекс. Нормальную еду. — Селия сняла босоножку и, зажав ее двумя пальцами, понесла к кухонной раковине. — Фу! Ты отвратителен! Почему ты это делаешь? Мама, скажи ему. Пусть хотя бы за собой приберет.

— Действительно, Фредерик, дорогой, вытри там все. — Миссис Холден, сидя на стуле с высокой спинкой у огня, искала в газете время начала следующей серии «Диксона из Док-Грин». С тех пор как мистер Черчилль ушел в отставку, сериал служил ей одним из немногих утешений. Равно как и в их с мужем последнем деле. Хотя, разумеется, она упоминала только мистера Черчилля.

Они с миссис Антробус, как она рассказывала Лотти, не пропустили пока ни одной серии и считали передачу просто чудесной. Впрочем, они с миссис Антробус были единственными обладателями телевизоров на Вудбридж-авеню и испытывали некоторое удовольствие, рассказывая соседям, насколько чудесны почти все программы.

— Наведи порядок, Фредди. Фу! И почему только мне достался брат, который питается кормом для животных?

Фредди сидел на полу возле незажженного камина и водил маленьким синим грузовичком по ковро, приподнимая его углы.

— Это не корм для животных, — удовлетворенно пробубнил он. — Господь сказал, вам сие будет в пищу.

— Мама, а теперь он поминает Господа всуе.

— Ты не должен говорить о Господе, — заявила Сильвия, приклеивая фотографию миксера на розовато-лиловый лист сахарной бумаги. — А то Он тебя накажет.

— Я уверена, Господь на самом деле не имел в виду траву, Фредди, дорогой, — рассеянно пробормотала миссис Холден. — Селия, милая, не подашь ли мне очки, прежде чем уйдешь? Шрифт в газетах становится все мельче.

Лотти терпеливо стояла в дверях. День выдался утомительный, и ей не терпелось уйти. Миссис Холден настояла, чтобы они с Селией помогли ей приготовить меренги для церковного базара, хотя обе ненавидели печь. Впрочем, спустя десять минут Селии все-таки удалось отвертеться, сославшись на головную боль. Вот и пришлось одной Лотти выслушивать сетования миссис Холден по поводу яичных белков и сахара и делать вид, что не замечает ее нервных всплескиваний руками и слез на глазах. И вот теперь наконец, когда жуткие меренги испеклись и

благополучно расфасованы по жестянкам, предварительно обернутые пергаментом, — какая неожиданность! — головная боль у Селии чудесным образом прошла. Селия снова обулась и махнула рукой Лотти: мол, пора уходить. Стоя перед зеркалом, она набросила на плечи кардиган и наспех поправила прическу.

— Куда собрались, девочки?

— В кофейню.

— В парк.

Селия и Лотти ответили одновременно и уставились друг на друга в немом укор.

— Мы идем и туда, и туда, — не смущаясь, заявила Селия. — Сначала в парк, затем выпить кофе.

— Они идут целоваться с мальчиками, — сообщила Сильвия, по-прежнему корпевшая над своим занятием. Она держала во рту кончик косы и периодически вынимала его, шелковисто-влажный.

— Чмок-чмок. Целоваться.

— Тогда не пейте слишком много. Сами знаете, кофе вас излишне бодрит. Лотти, дорогая, проследи, чтобы Селия не выпила слишком много. Максимум две чашки. И чтобы к половине седьмого были дома.

— На уроке Библии Бог сказал: да произрастит земля зелень, — подал голос Фредди, подняв глаза.

— И вспомни, как тебе было плохо, когда ты ее наелся, — парировала Селия. — Неужели, мама, ты не заставишь его убрать за собой? Прямо не верится. Ему все сходит с рук.

Миссис Холден взяла принесенные Селией очки и медленно надела их на нос. У нее был вид человека, которому все-таки удастся остаться на плаву во время шторма благодаря убеждению, что он, вопреки очевидным фактам, на самом деле находится на суше.

— Фредди, ступай и попроси Вирджинию принести тряпку. Вот хороший мальчик. А ты, Селия, дорогая, не будь такой ужасной. Лотти, поправь блузку, дорогая. У тебя странный вид. И еще одно, девочки: вы же не собираетесь пляться на приезжую? Нельзя, чтобы она подумала, будто в Мерхеме живут одни деревенщины, которые стоят и глазеют с открытыми ртами.

Наступила короткая пауза, во время которой Лотти успела заметить, что у Селии слегка порозовели уши. Ее собственные уши даже не потеплели: за многие годы она научилась стойко держаться даже в присутствии более суровых дознавателей.

— Из кофейни мы пойдем сразу домой, миссис Холден, — не дрогнув ответила Лотти. И это могло, разумеется, означать все, что угодно.

Это был день большого переезда, когда менялись местами те, кто прибыл субботними поездками с Ливерпуль-стрит, и те, кто неохотно возвращался в город, лишь слегка загорев. В такие дни по тротуарам сновали взад-вперед мальчишки с наспех сколоченными деревянными тележками, доверху нагруженными пухлыми чемоданами. За ними вышагивали изможденные мужчины в своих лучших летних костюмах, под руку с женами, радуясь возможности ценою нескольких мелких монет начать ежегодный отпуск по-королевски. Или хотя бы не тащить самим свой багаж до номера.

Поэтому прибытие в основном осталось незамеченным и необсужденным. Если, конечно, не считать Селию Холден и Лотти Свифт. Они сидели на скамейке в городском парке, протянувшемся на две с половиной мили вдоль Мерхемского побережья, и заворуженно смотрели

во все глаза на мебельный фургон, чей темно-зеленый капот, едва видимый под соснами, поблескивал на солнце.

Внизу протянулись влево волнорезы, похожие на темные зубцы расчески, и отлив отступал по мокрому песку, усеянному крошечными фигурками, бросающими вызов яростному не по сезону ветру. Прибытие Аделины Арманд, как позже решили девушки, могло сравниться разве что с прибытием царицы Савской. Точнее, сравнилось бы, соберись царица Савская переехать сюда в субботу, в разгар летнего сезона. Это означало, что все те люди — Колкухоуны, Эллиотты, хозяйки местных пансионов на Променаде и им подобные, которые при обычных обстоятельствах не преминули бы отметить экстравагантность незнакомцев, прибывших с целой горой сундуков, с большими картинами, изображавшими вовсе не членов семьи или мчащихся галопом лошадей, а огромные, беспорядочно нанесенные пятна краски, с бесчисленными стопками книг и явно заморскими предметами искусства, — все те люди не стояли молча у ворот, наблюдая за размеренной процессией, тянувшейся в давно пустовавшую виллу в стиле ар-деко, выстроенную на побережье. Они толпились в очереди у мясной лавки на Марчант-стрит или торопились на собрание Ассоциации владельцев гостиниц.

— Миссис Ходжес говорит, что она дальняя родственница королевской семьи. Венгерской или какой-то там еще.

— Чушь.

Селия посмотрела на подругу, округлив глаза:

— Точно. Миссис Ходжес разговаривала с миссис Ансти, а та знакома со стряпчим или кем-то там еще, кто отвечает за дом, так что она действительно венгерская принцесса.

Тем временем семьи на пляже распределили между собой узкие полоски суши и спрятались за надутыми ветром полосатыми тентами или нашли укрытие в пляжных домиках, не выдержав резкого морского бриза.

— Фамилия Арманд не похожа на венгерскую. — Лотти убрала волосы, лезшие в рот.

— Разве? А ты откуда знаешь?

— Иначе просто ерунда получается. Что венгерской принцессе делать в Мерхеме? Она, безусловно, поехала бы в Лондон. Или в Виндзорский замок. Но только не в эту сонную, обветшалую дыру.

— В Лондон, но не в твой район, — с едва ощутимым пренебрежением произнесла Селия.

— Да, — согласилась Лотти. — Не в мой район.

Тот район Лондона, где когда-то жила Лотти, — восточный пригород, щедро усеянный наспех воздвигнутыми фабриками, за которыми в одну сторону выстроились газовые станции, а в другую на многие акры протянулись неказистые болота, — не мог похвастать ни одной выдающейся личностью. Попав впервые в Мерхем, куда ее эвакуировали в начале войны, Лотти с трудом скрывала смущение, когда местные жители сочувственно интересовались, скучает ли она по Лондону. В такое же замешательство ее приводили расспросы о семье. В конце концов люди перестали спрашивать.

Лотти все-таки вернулась домой на два года, до конца войны. Потом, поскольку между ней и Селией завязалась интенсивная переписка, а миссис Холден любила повторять, что Селии будет полезно иметь подругу-ровесницу и, кроме того, «каждый человек должен внести и свою лепту в общее дело», Лотти пригласили вернуться в Мерхем. Сначала речь шла о каникулах, но каникулы затянулись до начала занятий, и в результате ей предложили

остаться навсегда. Теперь Лотти просто воспринималась как член семьи Холденов. Не родственница, конечно, не совсем им ровня по социальному положению (всем известно, что от акцента Ист-Энда не избавиться за всю жизнь), но ее постоянное присутствие в деревне больше не обсуждалось. Кроме того, Мерхем давно привык, что люди сюда приезжают и больше домой не возвращаются. Море способно забирать людей в плен.

— Отнесем что-нибудь? Цветы, например. Будет предлог, чтобы зайти.

Селии было явно неловко за свое недавнее замечание: не зря она одаривала Лотти своей особой улыбкой в стиле Мойры Ширер¹, выставляя напоказ нижние зубы.

— У меня нет денег.

— Да не в лавке же их покупать. Ты знаешь место, где можно набрать красивых диких цветов. Ты ведь всегда приносишь их маме, — заметила Селия, и в ее последней фразе Лотти уловила явственные нотки обиды.

Девушки соскользнули со скамейки и направились в конец парка, где кованые перила обозначали начало горной тропы. Лотти часто сюда навевывалась летними вечерами, когда шум и подавленная истерия в доме Холденов становились невыносимыми. Ей нравилось слушать крики чаек и коростелей, носившихся над головой, и напоминать себе, кто она такая. Миссис Холден сочла бы подобное самокопание неестественным или, по крайней мере, проявлением излишней снисходительности к собственной персоне, поэтому небольшие букетики цветов, собранные Лотти, служили полезной страховкой.

¹ *Мойра Ширер*, леди Кеннеди (1926–2006) — балерина и актриса кино шотландского происхождения. Стала знаменитой благодаря исполнению главной роли в фильме «Красные башмачки» (1948). — *Здесь и далее прим. перев.*

Почти десять лет жизни в чужом доме также привили ей некую житейскую мудрость, способность адекватно реагировать на возможные домашние неурядицы, что никак не вязалось с ее юным возрастом. Важную роль играло и то, что Селия никогда не видела в ней конкурентку.

— Заметила, сколько шляпных коробок внесли в дом? Семь, никак не меньше, — сказала Селия и наклонилась к цветку. — Как тебе этот?

— Нет, эти сразу завянут. Набери фиолетовых. Там, у большого валуна.

— У нее, должно быть, куча денег. Мама говорит, нужно целое состояние на ремонт. Она разговаривала с малярами, и те признались, что это настоящий свинюшник. Там ведь никто не жил с тех пор, как Макферсоны переехали в Гэмпшир. Сколько прошло?.. Девять лет?

— Не знаю. Никогда не была знакома с Макферсонами.

— Скучная пара. Дальше некуда. Она носила обувь девятого размера. Если верить миссис Ансти, в доме не осталось ни одного приличного камина. Все разворовали.

— И сад совершенно зарос.

Селия остановилась:

— Откуда ты знаешь?

— Бывала там несколько раз во время прогулок.

— Ах ты хитрюга! Почему меня не взяла с собой?

— Тебя никогда не тянуло прогуляться. — Лотти посмотрела мимо нее на грузовой фургон, испытывая прилив волнения. Они давно привыкли к появлению новых людей: как-никак Мерхем — сезонный городок. Сезоны здесь определяют приезжие, которые прибывают и уходят, словно морские приливы и отливы. Но перспектива заселения большого дома наполнила последние две недели радостным ожиданием.

Селия вновь занялась цветами. Пока перебирала их в руке, ветер приподнял ее волосы золотистой волной.

— Думаю, я ненавижу отца, — вслух произнесла она, неожиданно устремив немигающий взгляд куда-то вдаль.

Лотти оцепенела. Она не считала себя вправе обсуждать ужины Генри Холдена с его секретаршей.

— Мама так глупа. Просто делает вид, что ничего не происходит. — Короткую паузу прервал резкий крик чаек, кружащих над их головами. — Господи, жду не дождусь, чтобы отсюда уехать, — наконец сказала она.

— А мне здесь нравится.

— Да, но тебе не приходится смотреть, как твой отец ведет себя как полный идиот. — Селия повернулась к Лотти, вытянув руку с букетом. — Ну вот. Как ты думаешь, этого хватит?

Лотти взглянула на цветы:

— Ты действительно хочешь туда пойти? Чтобы поглазеть на ее вещи?

— О, а ты как будто не хочешь, мать настоятельница?

Девочки улыбнулись друг другу и помчались обратно к городскому парку. Их юбки и кардиганы развевались на ветру.

Подъездная аллея к вилле «Аркадия» когда-то была круговой. Оставшиеся соседи еще помнили процессии из длинных автомобилей, которые замирали, скрипнув гравием, перед парадным входом, а затем продолжали двигаться по изящному кругу и выезжали на дорогу. Раньше это был приметный дом, расположенный между железнодорожными путями (эта особенность была столь важной, что все дома в Мерхеме рекламировались как «внутренний» или «внешний»). Построил его Энтони Грешем, старший сын уолтонских Грешемов, когда вер-

нулся из Америки, где заработал себе состояние, создав какую-то деталь к двигателю, которую приобрела компания «Дженерал моторс». Вилла, как он напыщенно заявил, должна напоминать жилище кинозвезды. Он видел особняк в Санта-Монике, владелицей которого была известная актриса немого кино: длинный, низкий, белый, с огромными окнами и маленькими окошками в виде иллюминаторов. Такой дом внушал мысль о блестящем обществе, новых мирах и смелом, ярком будущем (будущее, по иронии судьбы, ему не принадлежало: он погиб в возрасте сорока двух лет под колесами «лендровера»). Когда строительство дома было наконец завершено, некоторые жители Мерхема пришли в ужас от его авангардности и в кулуарах сетовали, что он как-то не совсем «вписывается». Поэтому, когда несколько лет спустя его следующие владельцы, Макферсоны, выехали и дом остался пустовать, некоторые старожилы испытали странное облегчение, хотя и не признавались в этом. Северная сторона подъездной аллеи успела полностью зарasti: колючие кусты ежевики и бузины преждевременно обрывали ее у ворот, за которыми когда-то начиналась пляжная тропинка. И вот теперь водители фургонов скрипели коробками передач и ругались, пытаясь после разгрузки разехаться со стоявшей позади машиной и выбраться обратно на аллею.

Лотти и Селия постояли немного, наблюдая, как краснотелые потные грузчики заносят мебель. Неожиданно из дома выбежала высокая женщина с длинными каштановыми волосами, собранными сзади в строгий узел.

— Стойте! Погодите секунду! — крикнула она, помахав связкой ключей. — Я передвину машину к черному ходу!

— Думаешь, это она? — прошептала Селия, которая почему-то сразу нырнула за ближайшее дерево.

— Откуда мне знать? — Лотти даже перестала дышать. Внезапное замешательство Селии заставило ее почувствовать неловкость.

Они крепче прижались друг к другу и выглядывали из-за ствола, обеими руками придерживая пышные юбки, чтобы те не раздувались.

Женщина села за руль и огляделась, словно раздумывая, что именно следует сделать дальше. Затем, страдальчески закусив губу, повернула ключ зажигания, поборолась с рычагом скорости, сделала глубокий вдох и резко подала назад, с оглушительным грохотом въехав в решетку радиатора стоящего фургона.

Последовала короткая тишина, потом кто-то из мужчин громко выругался и зазвучал продолжительный гудок. Женщина подняла голову, и девушки поняли, что она, похоже, сломала нос. Кровь была повсюду: на светло-зеленой блузе, на руках, даже на руле. Женщина посидела немного, видимо оглушенная, но быстро пришла в себя и посмотрела вниз в поисках чего-нибудь способного остановить кровотечение.

В следующую секунду Лотти осознала, что бежит по заросшей лужайке, зажав в руке носовой платок.

— Вот, — сказала она, добежав до женщины одновременно с орущими людьми, которые начали собираться вокруг машины. — Возьмите. Откиньте голову назад.

Селия, поспешившая за Лотти, глянула в забрызганное лицо женщины.

— Вы очень сильно ударились, — сказала она.

Женщина взяла платок и повернулась к водителю грузовика:

— Простите. Я просто никак не могу освоить переключение скоростей.

— Вам вообще не следует садиться за руль, — заявил мужчина. Его мощное тело со всех сторон выпирало из-под темно-зеленого фартука. В руках он держал то, что осталось от передней фары. — Вы даже не глянули в зеркало заднего вида.

— Я думала, что включила первую. Она очень близко расположена к задней передаче.

— У вас отлетел бампер, — взволнованно сообщила Селия.

— Это даже не мой автомобиль. О боже!

— Взгляните на эту фару! Теперь придется менять весь блок. Потрачу время и деньги.

— Понимаю. — Женщина скорбно кивнула.

— Послушайте, оставьте даму в покое. Она пережила сильный шок. — У дворцы машины появился темно-волосый мужчина в светлом льняном костюме. — Просто скажите мне, каков ущерб, и я все улажу. Френсис, ты сильно пострадала? Врача вызвать?

— Ей не следовало садиться за руль, — качая головой, повторил шофер.

— А вам не следовало останавливаться так близко! — выпалила Лотти, возмущенная отсутствием сочувствия с его стороны.

Шофер даже не взглянул в ее сторону.

— Мне так жаль, — пробормотала женщина. — О боже! Что стало с моей юбкой!

— Так сколько? Пятнадцать шиллингов? Фунт? — Молодой человек начал отсчитывать банкноты из пачки, достав ее из внутреннего кармана. — Вот, забирайте. И пятерка сверху за беспокойство.

Шофер сразу успокоился. Скорее всего, он даже не владелец фургона, подумала Лотти.

— Что ж, ладно, — кивнул он. — Думаю, теперь все в порядке. — Он быстро убрал деньги, дальновидно прикинув, что лучше не искушать судьбу. — Раз так, мы продолжим. Пошли, ребята.

— Погляди на ее юбку, — прошептала Селия, подтолкнув подругу локтем.

Юбка Френсис с ярким принтом ивовых деревьев доходила почти до щиколоток и выглядела на удивление старомодно.

Лотти невольно занялась изучением остального наряда женщины: туфли чуть ли не Эдвардианской эпохи, длинная нитка круглых янтарных бус...

— Богема! — прошипела она.

— Давай, Френсис. Нужно зайти в дом, пока ты не залила весь салон кровью. — Молодой человек сунул в рот сигарету и, осторожно поддерживая женщину за локоть, помог ей вылезти из машины.

Она направилась к дому, потом резко обернулась:

— Ой, ваш прелестный платочек. Я запачкала его кровью. — Она взглянула на него. — Вы из местных? Прошу вас, зайдите в дом, выпейте чая. А мы тем временем попросим Марни замочить его. Это самое меньшее, что я могу сделать. Джордж, позови Марни, а то я могу тебя забрызгать.

Лотти и Селия переглянулись.

— Это было бы чудесно, — сказала Селия.

И только когда за ними закрылась дверь, Лотти вспомнила, что цветы они оставили на дорожке.

В главном холле Селия уже не казалась такой уверенной. Более того, она так резко затормозила, что Лотти, отвлекшись на минуту, больно ткнулась носом в ее затылок. Это произошло не столько из-за врожденной нере-

шительности Селии (которую малыши в семье прозвали Острые Локотки), сколько из-за того, что она оказалась перед огромной картиной, прислоненной к изогнутым перилам лестницы прямо напротив входа. На этой картине, написанной маслом в пастозной технике, была изображена лежащая обнаженная женщина. Судя по позе, не из скромных, решила Лотти.

— Марни! Марни, ты там?! — крикнул Джордж, шедший впереди по плиточному полу мимо громоздившихся ящиков. — Марни, не могла бы ты принести нам теплой воды? Френсис больно ударилась. И нельзя ли между делом приготовить чай? У нас гости.

Из соседней комнаты послышался приглушенный ответ, хлопнула дверь. При отсутствии ковров и мебели звук усиливался, отражаясь от каменного пола в почти пустом помещении. Селия вцепилась в руку Лотти.

— Как ты думаешь, нам остаться? — прошептала она. — Какие-то они... несерьезные.

Лотти озиралась по сторонам: множество огромных картин, свернутые ковры у стены, похожие на согбленных старцев, африканские деревянные фигурки женщин с раздутым животом. Совсем не похоже на те дома, что она знала: дом ее родной матери — тесный, темный, забитый дубовой мебелью и дешевыми фарфоровыми побрякушками, насквозь пропахший угольной пылью и вареными овощами, не знающий покоя от игр соседской ребятни и шумного движения на улице; жилище Холденов — приземистый, удобный, семейный дом в псевдотюдоровском стиле, ценный не только тем, что в нем размещено, но и своей историей. Мебель в доме была унаследована, и к ней полагалось проявлять почтение — даже большее, чем к его обитателям. Запрещалось ставить на нее чашки, а детям — спотыкаться об нее. Все это, как го-

ворила миссис Холден, полагалось «передать дальше», словно они сами были просто охранниками этих деревушек. Дом постоянно готовили для кого-то: прибирали к приходу «дам», наводили порядок для доктора Холдена «к его возвращению с работы», а миссис Холден была таким хрупким маленьким королем Кнудом¹, отчаянно старавшимся избавиться от неистребимой грязи и вечного беспорядка.

И вот этот дом — белый, яркий, чужой; необычной угловатой формы, с широкими, низкими матовыми окнами или иллюминаторами, сквозь которые можно увидеть море, наполненный экзотическими сокровищами, во всей его экзотической красе. Дом, где каждый предмет имел свою историю, начавшуюся в заморских землях. Лотти вдохнула запах соли, пропитавший стены за много лет, с примесью свежей краски. Почему-то он ее пьянил.

— Чай — это ведь так безобидно, правда?

Селия помолчала, вглядываясь в ее лицо.

— Только не говори маме. Она будет ругаться.

Они последовали за скорбной Френсис в главную гостиную, заполненную светом из четырех окон, выходящих на залив, два средних окна образовывали полукруглый эркер. У дальнего окна справа двое мужчин боролись с карнизом и тяжелыми порттьерами, а слева молодая женщина, стоя на коленях в углу, расставляла книги в книжном шкафу со стеклянными дверцами.

— Это новая машина Джулиана. Он придет в ярость. Лучше бы я позволила тебе ее переставить. — Френсис

¹ *Кнуд Великий* — король Дании, Англии и Норвегии (ум. 1035). По легенде «Король Кнуд и море», рассказанной для детей Джеймсом Болдуином, король осознал, что не всесилен.

опустилась на стул, проверяя, нет ли на платке свежей крови.

Джордж наливал ей большую порцию коньяка.

— Я разберусь с Джулианом. Лучше скажи, как твой нос, а то ты выглядишь словно с картины Пикассо, дорогая. Как думаешь, нам нужен врач? Аделина! Ты знаешь какого-нибудь врача?

— Мой отец врач, — подала голос Селия. — Я могла бы позвонить ему, если хотите.

Прошло несколько секунд, прежде чем Лотти заметила еще одну женщину. Та сидела абсолютно прямо на маленькой софе, скрестив ноги и сцепив руки перед собой, как будто суета вокруг совершенно ее не касалась. Волосы женщины, иссиня-черные, как вороново крыло, прилегали к голове блестящими волнами, платье из красного восточного шелка было не по моде длинным и узким, поверх него она надела жакет, расшитый павлинами с радужным оперением. У нее были огромные темные глаза, подведенные сурьмой, и маленькие, как у ребенка, ручки. Она сидела так неподвижно, что, когда кивнула в приветствии, Лотти чуть не подпрыгнула.

— Какая прелесть! Послушай, Джордж, не успели мы приехать, как ты уже нашел нам скаутов. — Женщина улыбнулась медленно и ласково, словно зачарованная.

Говорила она с каким-то явно иностранным акцентом, возможно с французским. Слова звучали тихо, загадочно, будто произносившая их слегка забавлялась. Что касается ее наряда и косметики, это было что-то невероятное, далеко выходящее за рамки возможного, даже для тех, чей жизненный опыт не ограничивался двумя полюсами — Мерхемом и Уолтоном. Лотти остолбенела. Взглянув на Селию, она убедилась, что подруга тоже ничего не понимает.

Мойес Дж.

М74 Вилла «Аркадия» : роман / Джоджо Мойес ; пер. с англ. Е. Коротнян. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 544 с.

ISBN 978-5-389-07776-8

Тихий курортный городок Англии, где каждый знает свое место. В 1950-е годы на вилле «Аркадия», роскошном особняке, построенном в стиле ар-деко, поселяются молодые художники и поэты. Их образ жизни вызывает возмущение почтенных матрон, которые пытаются защитить свой сонный городок от веяний времени.

И вот теперь, почти пятьдесят лет спустя, вилла «Аркадия» возрождается к жизни. Новый владелец решает восстановить ее и сделать гостиницей. И все секреты, похороненные вместе с домом много лет назад, воскресают...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОДЖО МОЙЕС
ВИЛЛА «АРКАДИЯ»

Ответственный редактор Ольга Рейнгевец
Редактор Ирина Шефановская
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валентина Гончар, Наталья Бобкова

Подписано в печать 06.08.2019. Формат 84 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 26,52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в филиале «Тульская типография» ООО «УК» «ИРМА».
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Н-33М-15779-09-Р